

**ГЕННАДИЙ
ЯНАЕВ**

ГКЧП

ПРОТИВ ГОРБАЧЕВА

**ПОСЛЕДНИЙ
БОЙ СССР**

Геннадий Иванович Янаев

ГКЧП против Горбачева.

Последний бой за СССР

Серия «Суд истории»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6376375

*ГКЧП против Горбачева. Последний бой за СССР.: Алгоритм; Москва;
2010*

ISBN 978-5-6994-3860-0

Аннотация

Геннадий Иванович Янаев с июля 1990 по январь 1991 г. был членом Политбюро и секретарём Центрального комитета КПСС. С декабря 1990 г. занимал должность вице-президента Советского Союза. Во время августовских событий 1991 г. Г.И. Янаев назначен исполняющим обязанности президента СССР.

За участие в ГКЧП привлечён к уголовной ответственности, 4 сентября 1991 г. освобожден от обязанностей вице-президента СССР и помещён в тюрьму «Матросская тишина». В 1994 г. освобождён по амнистии Госдумы.

После двадцатилетнего молчания Г.И. Янаев решил рассказать правду об августе 1991 г. и о подлинной роли М. Горбачева в тех событиях.

Содержание

Вместо предисловия	4
Часть первая	6
Так крушили Союз	6
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Геннадий Иванович Янаев ГКЧП против Горбачева. Последний бой за СССР

Вместо предисловия

Геннадий Иванович Янаев, первый и последний вице-президент СССР, руководитель Государственного комитета по чрезвычайному положению, созданного в августе 1991 года, и просуществовавшего всего три дня... Впрочем, слово «всего» вряд ли подходит для характеристики тех августовских дней, всколыхнувших наше, тогда еще советское общество в самой что ни на есть чрезвычайной форме.

На предложение написать книгу Янаев поначалу откликнулся без малейшего энтузиазма: «Ну какой из меня писатель, – сказал он при встрече в конце мая 2010-го. – Вам к Горбачеву надо обратиться. Он вам не только книгу, а многотомную эпопею запросто напишет. А потом, что я могу нового сообщить по теме, которую исследовали вдоль и поперек?»...

И все же Геннадия Ивановича удалось убедить в необходимости представить на суд читателей его ПЕРВОЕ полное, многостраничное произведение. Перед началом на-

ших бесед Янаев предупредил: в конце июня ему предстоят регулярные «беседы» совсем другого рода – с врачами одной из московских клиник. На все про все у нас был один месяц. Его оказалось достаточно, чтобы появилась эта небольшая, но оттого не менее нужная книга.

В ней – записанные на диктофон и перенесенные на бумагу воспоминания Янаева, его актуальные эссе и ответы на разной сложности вопросы. Будем надеяться, что в дальнейшем Геннадий Иванович не ограничится уже высказанным и написанным. Ведь положение второго лица СССР, которое он занимал до распада Советского союзного государства, до сих пор ко многому обязывает...

Сергей Громов, публицист, составитель книги

Часть первая

Расшатанные скрепы

Так крушили Союз

«Вершиной русской истории был советский период. До него было хуже. И после – наступил спад, и полным ходом идет деградация. Не скажу, что советское время было хорошим, был и остаюсь его критиком. Но «на болоте и кочка высота»... Разгром советской системы – удар эпохального значения. После этого бессмысленно рассчитывать на высокое положение нашей страны в мировом сообществе, аналогичное тому, которое она занимала во времена СССР. Нынешняя социальная система (называю ее «постсоветизмом») создана – после антикоммунистического переворота в горбачевско-ельцинские годы – на скорую руку, под давлением Запада и по западным образцам, с таким расчетом, чтобы Россия не поднялась больше. Эта социальная система в принципе исключает возможность для нашего государства независимого, суверенного существования. Страна деградировала во всех отношениях. Теперешняя система власти и управления не идет ни в какое сравнение с той, которая была в Советском Союзе. Экономический развал, произошедший у

нас, несопоставим ни с чем. Где еще подобное наблюдалось на планете?!...»

Эти слова были сказаны А.А. Зиновьевым в одном из его последних интервью, в октябре 2005 года. Крупнейший отечественный философ и социолог, проживший более 20 лет на Западе, пожалуй, как никто другой понимал толк в социальных процессах, происходивших как в нашей стране, так и во всем мире. Наверное, с сугубо обывательской точки зрения, оценки Зиновьева представляются чистым философствованием.

«Находясь на этой «вершине русской истории», мы не могли купить себе хорошую машину, приличную одежду, съездить в дальнее зарубежье, толкались в очередях за самым необходимым, смотрели два скучных канала Центрального телевидения, читали (вернее не читали) в газетах отчеты с партийных съездов и пленумов, «вести с полей» и прочую белиберду... Нет уж, увольте, не нужна нам такая «вершина»!...» – легко «разоблачит» зиновьевские тезисы какой-нибудь брокер или торговец китайским ширпотребом, важный чиновник или менеджер бензоколонки, популярный шоумен или успешный спортсмен. И к такому взгляду на вещи присоединятся миллионы наших сограждан. Стоит ли убеждать их в том, что они чего-то не понимают и не хотят понимать? Сегодня это практически бессмысленно. Те, кто думает, что приоритет в ракетно-космических технологиях – ничто в сравнении с производством «мерседесов» и куриных

окорочков, в спорах непобедимы.

А завтра? А что будет завтра, точно не знает никто...

Без году два десятилетия минуло после августовских событий 1991 года. Изменились ли в российском обществе взгляды на сей счет? Почти нет. Разве что позабылось многое... Однако по-прежнему, как мне видится, превалируют крайние, весьма субъективные точки зрения, внушаемые пристрастными идеологами и обслуживающими их пропагандистскими командами.

Одни пытаются представить членов ГКЧП такими недо-тепами, недоумками, предпринявшими свои действия исключительно по глупости («даже путча нормального не могли сотворить-организовать»).

Другие норовят воскресить зловещий образ-жу-пел, насаждавшийся когда-то доморощенными горе-либералами: «путчисты» Янаев, Пуго, Крючков и Язов на фоне огромной свастики (такой коллаж в августе 1991-го публиковали многие газеты).

Третьи, напротив, склонны к некоторой идеализации людей, вошедших в состав Государственного комитета по чрезвычайному положению, и наспех сделанных ими политических шагов.

Особого желания заочно полемизировать с кем-либо на эту тему не испытываю. Усердно оправдываться и что-то страстно доказывать тем более не стану. И все же собственное мнение как непосредственный участник тех событий из-

ложить обязан. Что бы о них ни говорили, ни думали соотечественники или иностранцы, руководствуясь собственными симпатиями-антипатиями, этическими и «эстетическими» предпочтениями, те августовские дни стали в истории нашей страны особыми и поистине чрезвычайными.

Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР (ГКЧП) – создан в ночь с 18 на 19 августа 1991 г. представителями властных структур, не согласными с политикой реформ Горбачева М.С. и проектом нового Союзного договора.

В июле 1991 г. на встрече Горбачева М.С. с президентами России и Казахстана было принято решение о подписании в конце августа 1991 г. нового Союзного договора.

19 августа 1991 г., за день до его подписания СМИ сообщили, что Горбачев М.С. болен, не может исполнять президентские обязанности, и вся власть в стране переходит к Государственному комитету по чрезвычайному положению. Горбачев М.С. в это время находился на отдыхе в Крыму.

В крупные города были введены войска. Приостановлена деятельность партий, движений и объединений, оппозиционных КПСС, запрещен выпуск оппозиционных газет.

(Краткий исторический словарь, 2000 г.)

Идеализация в отношении организаторов ГКЧП (то бишь

нас) неуместна хотя бы потому, что бывшие советские люди уже давно живут в стране, мало чем напоминающей их великую социалистическую Родину. Но не заслуживаем мы и огульного шельмования, будь то нарочитое «диагностирование» эдакой коллективной умственной неполноценности или настойчивые обвинения в попытке формирования своего рода пиночетовщины, да еще и под фашистскими символами. Пиночет и его хунта – совсем из другой «оперы». Ее мотивы как раз более всего созвучны деяниям наших главных идейных и политических противников, а сцены неоправданной, бесчеловечной жестокости, наглядно продемонстрированной в центре Москвы, вся страна наблюдала по телевидению не в августе 1991-го, а двумя годами позже.

ЗАЯВЛЕНИЕ СОВЕТСКОГО РУКОВОДСТВА

В связи с невозможностью по состоянию здоровья исполнения Горбачевым Михаилом Сергеевичем обязанностей Президента СССР и переходом в соответствии со статьей 127-7 Конституции СССР полномочий Президента Союза ССР к вице-президенту СССР Янаеву Геннадию Ивановичу:

в целях преодоления глубокого и всестороннего кризиса, политической, межнациональной и гражданской конфронтации, хаоса и анархии, которые угрожают жизни и безопасности граждан Советского Союза, суверенитету, территориальной целостности, свободе и независимости нашего Отечества; исходя из результатов всенародного референдума о

сохранении Союза Советских Социалистических Республик; руководствуясь жизненно важными интересами народов нашей Родины, всех советских людей, заявляем:

1. В соответствии со статьей 127-3 Конституции СССР и статьей 2 Закона СССР «О правовом режиме чрезвычайного положения» и идя навстречу требованиям широких слоев населения о необходимости принятия самых решительных мер по предотвращению сползания общества к общенациональной катастрофе, обеспечения законности и порядка, ввести чрезвычайное положение в отдельных местностях СССР на срок 6 месяцев с 4 часов по московскому времени 19 августа 1991 года.

2. Установить, что на всей территории СССР безусловное верховенство имеют Конституция СССР и законы Союза ССР.

3. Для управления страной и эффективного осуществления режима чрезвычайного положения образовать Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР (ГКЧП СССР) в следующем составе: Бакланов О.Д. – первый заместитель председателя Совета обороны СССР, Крючков В.А. – председатель КГБ СССР, Павлов В.С. – премьер-министр СССР, Пуго Б.К. – министр внутренних дел СССР, Стародубцев В.А. – председатель Крестьянского союза СССР, Тизяков А.И. – президент Ассоциации государственных предприятий и объектов промышленности, строительства, транспорта и связи СССР, Язов Д.Т. – министр

обороны СССР, Янаев Г. И. – и. о. Президента СССР.

4. Установить, что решения ГКЧП СССР обязательны для неукоснительного исполнения всеми органами власти и управления, должностными лицами и гражданами на всей территории Союза ССР.

Г. ЯНАЕВ, В. ПАВЛОВ, О. БАКЛАНОВ

18 августа 1991 года

УКАЗ ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТА СССР

В связи с невозможностью по состоянию здоровья исполнения Горбачевым Михаилом Сергеевичем своих обязанностей Президента СССР на основании статьи 127-7 Конституции СССР вступил в исполнение обязанностей Президента СССР с 19 августа 1991 года.

Вице-президент СССР Г. И. ЯНАЕВ

УКАЗ

ИСПОЛНЯЮЩЕГО ОБЯЗАННОСТИ ПРЕЗИДЕНТА
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК
О ВВЕДЕНИИ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ПОЛОЖЕНИЯ В
ГОРОДЕ МОСКВЕ

В связи с обострением обстановки в г. Москве – столице Союза Советских Социалистических Республик, вызванным невыполнением постановления Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР № 1 от 19 августа 1991 года, попытками организовать митинги, уличные ше-

ствия и манифестации, фактами подстрекательства к беспорядкам, в интересах защиты и безопасности граждан в соответствии со статьей 127-3 Конституции СССР постановляю:

1. Объявить с 19 августа 1991 года чрезвычайное положение в г. Москве.

2. Комендантом города Москвы назначить командующего войсками Московского военного округа генерал-полковника Калинина Н.В., который наделяется правами издавать обязательные для исполнения приказы, регламентирующие вопросы поддержания режима чрезвычайного положения.

Исполняющий обязанности Президента Союза ССР

Г. Я НАЕВ

Москва, Кремль. 19 августа 1991 г.

Почему создали ГКЧП? Ответ очевиден для всех, кто пытался и пытается добросовестно разобраться в том, что происходило в СССР в последние годы его существования. Мы видели: Советский Союз разваливается, гибнет. И в то же время прекрасно понимали, что эта агония началась задолго до 1991 года.

Ведь на чем держалось Советское государство? На трех основных, как раньше говорили, скрепах. Первая – 18-миллионная многонациональная партия. Вторая – также многонациональная – армия. Третья – опять же многонациональная – правоохранительная система. И вот эти скрепы год от года слабели, расшатывались, грозили окончательно отва-

литься...

Здесь уместно вернуться в 1985 год. Пленум ЦК КПСС избрал Горбачева Генеральным секретарем. Вопреки сложившейся на тот момент партийно-советской традиции – во все не «при полном единодушии». Но афишировать разногласия в государственном руководстве тогда, мягко говоря, было не принято. Горбачев, став номинальным руководителем компартии и государства, не приобрел всеобщего непрекаемого авторитета среди коммунистов и подлинно сильной власти в огромной стране. Но поступил тактически (и, пожалуй, стратегически) верно для себя – для своей головокружительной во всех смыслах карьеры. Он начал апеллировать непосредственно к народу, впервые использовал то, что впоследствии получило у нас название «популизм».

На фоне публичных выступлений его предшественников, отнюдь не молодых и редко обходившихся без помощи «бумажек», горбачевские импровизации, пусть и демагогические и даже порой начисто лишённые содержательности, выглядели необычно и в силу этой необычности вполне привлекательно. Народу такая новизна явно импонировала. Особенно нравились рядовым советским гражданам пространственные речи о наболевшем, о необходимости серьезных изменений во многих областях тогдашней жизни общества.

В том нашем застойном, смрадном воздухе действительно дышалось тяжело, стране крайне необходима была мощная струя свежего воздуха. Воздуха экономических перемен, ра-

зумных политических свобод, улучшений в социальной сфере...

Стагнация экономики наиболее сильно сказывалась на выпуске товаров первой необходимости – продовольствия, одежды, продукции повседневного бытового использования. Все экономические реформы, которые партийные и советские власти начинали в послевоенный период, не были доведены до конца, а следовательно и должного эффекта не принесли. Казалось бы, Генеральный секретарь ЦК КПСС Горбачев и его ближайшие советники должны были в первую очередь детально проанализировать фундаментальные ошибки, просчеты, недоработки в экономических программах прежних руководителей государства и приступить к полномасштабной модернизации колоссального народно-хозяйственного механизма. Что для этого требовалось?

Мысленно перенесемся в начало перестройки и представим себя на месте «горбачевской команды». Итак, пристально вглядываемся и видим, что в нашей стране далеко не все в порядке и что «кто-то кое-где у нас порой честно жить не хочет». Но мы наделены огромными полномочиями и преисполнены желания изменить жизнь народа к лучшему. Есть ли в этом что-то невероятное, фантастическое? Наверное, нет (хотя популярный анекдот того времени об инопланетянах – единственной нашей надежде на спасение от «застоя» – говорит об обратном).

Каковы будут наши первые шаги? Ну, по сложившейся

традиции, конечно же, провозгласим всем понятные и приятные лозунги: «Даешь гласность, демократию и ускорение научно-технического прогресса!». А еще лучше— поставим научно-технический прогресс впереди списка, а дальше напишем остальное. У нас нет специального экономического образования, да и широким стратегическим кругозором мы не располагаем. Зато под нашим началом всевидящий КГБ, уникальные, самобытные мозги, разбросанные по бесчисленным НИИ и предприятиям военно-промышленного комплекса, в нашем распоряжении неисчислимые запасы энергоресурсов и гиганты тяжелой промышленности, бескрайние леса и пашни, полноводные реки и богатые рыбой моря. У нас есть все для того, чтобы без особых затруднений осуществить модернизацию производства и наполнить прилавки магазинов продовольствием и ширпотребом.

Наследники Железного Феликса, используя свои агентурные данные, расскажут нам, что у них там, на загнивающем Западе, осталось ценного, заслуживающего внимания и отчего он, сволочь, до сих пор окончательно не загнил, а все еще трепыхается. Да к тому же явно обгоняет нас в развитии научно-технического прогресса. «Так, мол, и так, — доложат нам отважные и умные чекисты, — Запад обязательно загниет и загнется, но пока у него на повестке дня переход на новые, так называемые «информационные» технологии, и это на неопределенный срок продлит его гниение. Мы тоже сможем на них перейти и заметно ускориться в плане НТП. Но

для этого нам потребуется прекратить бардак и тихий саботаж в науке и промышленности, обновить повсеместно ста-ночный парк, показательно осудить с десятков самых отъяв-ленных воров и взяточников, находящихся у власти, – лет на 15 каждого. И, само собой, надо повсюду вовлекать в этот процесс талантливую научно-техническую и прочую моло-дежь, а также не менее талантливое среднее поколение...»

Сказано – сделано. Наводим порядок на предприятиях, потихоньку внедряем новые технологии, вытаскивая из-под сукна тонны спрятанных туда технологий и рационализатор-ских предложений, омолаживаем руководящие кадры НИИ, КБ, заводов и фабрик, даем им указание «догнать и пере-гнать Америку». Невероятно? Фантастично? Ничего – глаза боятся, руки делают! Собрались ускоряться, вот и ускоряем-ся, и никто нам в этом не помеха. И вообще, нет таких кре-постей, которые бы не смогли взять большевики!..

Вместо этого горбачевское окружение несколько лет вы-давало на-гора в виде законов и правительственных поста-новлений весьма странные (и, мягко говоря, не самые по-пулярные) «новшества», которые только усугубляли общую экономическую и политическую ситуацию в Советском Со-юзе. Эти неудачи, выглядевшие порой почти катастрофиче-скими, сделали положение генсека чрезвычайно шатким. И без того непрочный его авторитет слабел, можно сказать, день ото дня.

Тогда Горбачев, стремясь во что бы то ни стало удержать в

руках высшую власть в стране, решил нанести сокрушительный удар по структуре и функционированию партии, которой он был обязан своим впечатляющим карьерным взлетом. В июле 1990 года по инициативе генсека был «реорганизован» Центральный комитет КПСС, превратившийся в невиданно аморфный и совершенно неработоспособный орган.

ЦК КПСС на своем пленуме сразу освободил 130 членов и кандидатов в члены ЦК КПСС. Ярлык «неперестроившегося» могли нацепить любому...

А.Яковлев, И.Фролов, И.Лаптев, Е.Яковлев, М.Полторанин подняли волну травли партийного руководства (за исключением Горбачева). Народу внушалось, что все беды в стране от партократов. Отсюда и быстрый путь к улучшению жизни – не высокопроизводительный труд, не инвестиции и техническое перевооружение, как у японцев или американцев, а разгром партократов, требование смены начальства и представителей власти. Обстановку в стране все в большей степени определяет власть толпы. Идеологами толпы становятся научные сотрудники исследовательских и образовательных институтов, журналисты, ведущие телепрограмм, юристы, такие как Г.Попов, А.Собчак, О.Лацис, А.Нуйкин, А.Аганбегян, С.Шаталин, П.Бунин и др. Все выступают за перестройку и под флагом перестройки. Указывают на общеизвестные истины: надо сделать жизнь лучше, ибо все устали, ибо слишком многие уже

ждать не хотят и не могут...

(Г. Янаев. Август 1991: мифы и реальность)

В то же время в республиках, краях и областях все еще формально единого Союза властные и контрольные полномочия ленинской партии перераспределялись в пользу «советов». (Пишу это слово в кавычках, поскольку партия стремительно разрушалась, а полноценный институт Советов ей на смену так и не был создан.)

Помнится, уже будучи вице-президентом, я прилетел в охваченный шахтерскими забастовками Кузбасс. В кемеровском аэропорту нашу группу встречал в качестве главного руководителя региона председатель областного совета народных депутатов А.Г. Тулеев. Испытывая некоторое недоумение, спросил у Амана Гумировича: «А где первый секретарь партийного обкома?». В ответ ничего внятного не услышал. Зато несколько позже, во время большого регионального совещания, почувствовал, насколько поднялась температура во взаимоотношениях партийной и законодательно-представительной властей Кемеровской области. В общем, полным ходом и во всех направлениях шла ревизия, казалось бы незыблемых, ленинских положений о месте компартии в социалистическом государстве. И скорый конец этого социалистического государства виделся все отчетливее.

В годы перестройки «демократы» очень любили спекули-

ровать на крылатом ленинском тезисе «Политика – концентрированное выражение экономики». Как они это толковали? Да как угодно, но только не в том смысле, который вкладывал в эту формулу Ильич. А смысл простой, несмотря на некоторую мудреность фразы. Мировая экономика непрерывно развивается вместе с научно-техническим прогрессом. Наша страна, несмотря на «железный занавес» (скорее мифический, чем реальный), не может жить в полном отрыве от мировой экономики. Следовательно, что? Следовательно, самые передовые достижения науки нужно повсеместно внедрять в производство, делая его рентабельным, конкурентоспособным (не забывая при этом и о повышении дисциплины на предприятиях, само собой). С развитием производительных сил меняются и производственные отношения, а те, в свою очередь влияют на общую социально-политическую обстановку в стране. Вот такие простые причинно-следственные связи, вот таким образом политика «концентрированно выражает» экономические закономерности. Другими словами, ленинский тезис обозначил необходимость эволюционного развития государства и общества при условии приоритета экономики (макроэкономики). Приоритетность, естественно, должна проявляться не в виде пустых деклараций, а в форме реальных преобразований, соответствующих общемировому уровню производительных сил. И, конечно же, не торгово-закупочная деятельность и не сфера услуг – двигатели экономического прогресса.

са. Настоящий локомотив экономики – базовая, индустриальная (и постиндустриальная) промышленность, и только она.

Но разве ее упорно стремились развивать «демократы», виня во всех смертных грехах «партократов»? Отнюдь. Известную формулу Ленина «перестроившиеся» обогатили посредством другой ленинской цитаты – «Учитесь торговать!», впервые прозвучавшей, как всем известно, после Гражданской войны. И вместо модернизации индустриального производства принялись повсюду насаждать в первой космической державе типично нэпманские кооперативы, выдавая это массовое «доисторическое» убожество за прогрессивное явление. В результате у нас научились-таки торговать – учителя, инженеры, рабочие, ученые, бросившие (добровольно или вынужденно) свои школы, цеха, кабинеты, лаборатории и вставшие, пряча лица от друзей и знакомых, за базарные прилавки.

А помните, как нас с телеэкранов убеждали, что мы – пещерные люди, совершенно не способные встать вровень с развитыми западными гражданами с их компьютерами и видеомагнитофонами? Для чего нам это внушали? Чтобы взбодрить наших ученых и инженеров, пробудить от спячки их руководителей? Вовсе нет. Этих дикарей впоследствии взбодрили и пробудили добрые дяди из-за рубежа, предоставив им зачем-то бункеры «силиконовых долин»...

Тем временем менялись не только роли первых секрета-

рей республиканских, краевых и областных партийных организаций, но и сами первые секретари. Худшие уступали места лучшим? Вряд ли, скорее наоборот. Если где-то и происходило качественное улучшение кадров, то разве только в виде исключения из общего для той «судьбоносной» поры правила.

В Ленинграде в одном из своих популистских «обращениях к народу» Горбачев высказался примерно так о своих партийных товарищах и высокопоставленных коллегах: вы, мол, давите их снизу, а мы станем давить сверху. Это, пожалуй, один из наиболее показательных примеров горбачевской демагогии, рассчитанной на то, чтобы его услышали простые сограждане. И они, конечно же, слышали, разве можно было пропустить мимо ушей подобное. Услышан был этот провокационный призыв и редакторами газет, журналов, радио, телевидения, пропагандистами всех мастей и рангов, активно-агрессивной (и в то же время поразительно сервильной) частью нашей интеллигенции.

Партийный механизм до поры до времени выглядел весьма мощным, но он же был неповоротливым, весьма инерционным. Перестраивать партию, безусловно, следовало. Она слишком долго жила в излишне «комфортных» условиях. Когда же обострилась политическая ситуация и потребовалось вести непростую полемику, многие партийные кадры оказались к этому абсолютно не готовы. К тому же они элементарно боялись в нее вступать, будучи ошельмованны-

ми. Ведь многие редакторы средств массовой информации и «либеральные» журналисты вовсе не по случайному недоразумению слыли креатурами серого кардинала перестройки А.Н.Яковлева.

Для нормальных – здоровых и последовательных – идейно-политических преобразований партии были необходимы новые демократические принципы и правила (к примеру, в хрестоматийных взаимоотношениях «большинства и меньшинства»). Однако вместо демократизации партийных рядов и кадров происходила их деморализация. Они ничего уже не могли противопоставить развязанной против них широкомасштабной, откровенно враждебной кампании. И когда пришло время встать на защиту своих обкомов и райкомов, 18-миллионная партия сидела по домам и всевозможным укрытиям, не выделив ни единого «подразделения» для собственной обороны.

Не менее вероломным ударам подверглась армия СССР. И происходило это также при явном попустительстве или даже пособничестве со стороны ее главнокомандующего. (Горбачев был таковым фактически еще до своего президентства, поскольку наши генсеки во всем мире считались первыми лицами Советского государства.) Многие межнациональные конфликты, происходившие на территории СССР, приводили к вмешательствам в них вооруженных сил. Армия не могла и не может отказаться от выполнения приказов военного и политического руководства страны, сколь бы антинародны-

ми эти приказы ни были. Тем не менее как только возникали и разрастались серьезные заварухи – в Фергане, Сумгаите, Вильнюсе, Тбилиси, других городах и весях – Горбачев был как бы «ни при чем», неизменно и демонстративно снимал с себя всякую ответственность, в том числе моральную. В каком положении оказывались втянутые в эти конфликты солдаты и офицеры, включая генералов? Их признавали виновными в применении военной силы против гражданского населения. Вспомним историю с генералом Родионовым, который командовал Закавказским военным округом и наводил конституционный порядок в Грузии. Его жесткие, но вполне адекватные той критической ситуации решения на всесоюзном Съезде народных депутатов некоторые парламентарии объявили во всеуслышание преступными. Одиозная комиссия во главе с Собчаком, «расследовавшая» события в Тбилиси, цинично обвинила армию во всех смертных грехах.

Незадолго до этого трагического инцидента мне, тогда еще секретарю ВЦСПС, довелось побывать в столице Грузии. Шла предвыборная кампания по избранию народных депутатов СССР. Я своими глазами видел, как многотысячные толпы с неистовым ревом внимали заполошным выступлениям истерично-буйного (чтобы не сказать сумасшедшего) Гамсахурдиа. Поинтересовался у тамошних партийных руководителей: мол, не боитесь выпустить ситуацию из-под контроля? Но те растерянно пожимали плечами и говорили: «А что мы можем без своей армии? Ничего...».

На армию же тем временем сыпались бесконечные и совершенно безосновательные нападки. В конечном итоге все это привело к тому, что в одно «распрекрасное» время офицеры Генштаба начали то ли стесняться, то ли просто-напросто бояться в военной форме ходить на службу. Правда, явью такая абсурдная фантаσμαгория стала уже после августа 1991-го. Однако шли к этому практически все годы горбачевского правления.

Нелишне вспомнить о том, как почти сразу же с наступлением «эпохи гласности» журналисты, а также невесть откуда взявшиеся «правозащитники» стали попрекать советские вооруженные силы боевыми действиями в Афганистане. Как будто армия по своей прихоти, а не по воле политиков отправилась в 1979 году в эту страну. Однажды мы с Виктором Поляничко, советником ЦК КПСС в Афганистане, около двух часов беседовали с Наджибуллой, находясь у него в резиденции. Наджиб тогда сказал примерно следующее: «Мы понимаем, что вы переживаете непростой период. Но почему ваше общество настраивают против армии, лично я понять никак не могу».

Затем побывали в военном госпитале, где общая морально-психологическая атмосфера была, конечно же, далеко не самой оптимистической. Удручающие впечатления, как сейчас помню, на меня произвели не только жутковатые картины больничных палат с тяжело ранеными, изувеченными солдатами и офицерами, но и слова начальника того госпи-

тая, обронившего при нашем совместном обходе вверенного ему учреждения: «Зря, Геннадий Иванович, мы в это дело ввязались». Я не стал ничего возражать доктору, не считая уместным устраивать «политические дискуссии» в непосредственной близости от коек с искалеченными войной молодыми соотечественниками. Но в тот момент едва ли не с ужасом подумал: «Если уж повидавший виды военный врач говорит вслух подобные вещи, то каково это слышать его подопечным?!».

Вот из чего, в сущности, возник печально известный «афганский синдром». Подобный «синдрому вьетнамскому», когда-то ставшему головной болью американского общества, он был прямым следствием предательства армии со стороны высокопоставленных политиков, их стремления свалить на нее собственную вину за тяжелые последствия глобальных военных операций. Эти «синдромы» – явления относительно новые. Разве говорили мы когда-либо, к примеру, о «синдроме Великой Отечественной войны»? А ведь она принесла нашему народу ни с чем не сравнимые трагедии. Все дело в том, что тогда возвращавшихся с фронта бойцов страна принимала достойно. Не как использованный человеческий материал, не как случайных жертв чьей-то фатальной политической ошибки, а как подлинных героев, самых заслуженных и почитаемых граждан. А что произошло с нашими «афганцами»? Многие из них с физическими или психическими (или теми и другими в страшной совокупности) увечья-

ми приходили устраиваться на работу, оформлять положенные по закону льготы, получать необходимую медицинскую помощь, а их встречали репликами наподобие: «Что вы от нас-то хотите? Мы же вас на войну не посылали...». Кто виноват в появлении такого бесчувственно-циничного отношения общества к своим солдатам? Разумеется, те, кто формирует общественное мнение – политики, идеологи и находящиеся у них в услужении средства массовой информации.

К августу 1991 г. армия оказалась под прямым «огнем». Ее разгром, вылившийся в раздел, начинался с подписания соглашения о выводе войск из европейских стран бывшего Варшавского Договора, в котором фиксировались сроки вывода, согласовывались условия использования военной техники и другого имущества, размещения выводимых частей в места их новой дислокации. Горбачев и Шеварднадзе неоднократно слышали предупреждения советских и зарубежных специалистов о том, что в предлагаемые ими сроки нельзя вывести такой огромный контингент. Однако эти предупреждения игнорировались. В результате миллионы военнослужащих и их семей по причине предательства своего главнокомандующего вынуждены были бежать, бросать дома, технику, полигоны, аэродромы, здания и сооружения стоимостью в миллиарды долларов и располагаться на Родине в чистом поле, в палатках, либо по чужим углам. Этот «вывод войск» больше напоминал бегство армии, потерпевшей

жестокое военное поражение.

На продаже и разграблении брошенного оружия и военной инфраструктуры нажились многие командиры и военачальники, но никто из них не понес никакого наказания. Следует сказать, что соглашения, которые подписывали Горбачев и Шеварднадзе от имени СССР, никогда не были результатом коллективного обсуждения высших органов законодательной и исполнительной власти. Трудно вспомнить, чтобы вопрос о том, какие экономические интересы нашей страны могли быть обеспечены путем соглашений и договоров с другими странами, обсуждался на заседании парламента или правительства.

Так было и с проведением переговоров о сокращении стратегических ядерных вооружений. Под лозунгами «нового мышления», «общечеловеческих ценностей» и якобы в целях «прорыва» в отношениях между Востоком и Западом Горбачев и Шеварднадзе подписали договор о сокращении ракет малой и средней дальности. Как справедливо указал на процессе по «делу ГКЧП» Герой Советского Союза, знаменосец легендарного Парада Победы генерал В.И. Варенников, мы сократили в 2,5 раза больше своих носителей и в 3,5 раза больше боеголовок, чем США. Чем, кроме предательства национальных интересов, можно объяснить решение Горбачева включить в число подлежащих уничтожению видов оружия ультрасовременный, превосходящий все зарубежные аналоги комплекс «Ока». Ведь кроме того, что

он только вошел в производство, уже на это вооружение перешли некоторые социалистические страны и наши военные округа на Западе, что он стоил огромного труда ученых и рабочих, что он обошелся народу в миллиарды рублей – он просто по своим параметрам не подпадал под сокращение. И не должен был быть ликвидирован. Даже у многих американских специалистов этот чудовищный предательский шаг вызвал удивление – по договору подлежали ликвидации ракеты наземного базирования с дальностью полета от 500 км и выше (кроме межконтинентальных), а у «Оки» дальность полета до 400 км...

(Г. Янаев. Август 1991: мифы и реальность)

Всем известно, что наша армия, являясь неотъемлемой частью общества с его пороками и недостатками, вовсе не блистала в годы перестройки безупречной воинской (уставной) дисциплиной и бескорыстием своего высшего руководства. Но кто мешал Горбачеву наводить там порядок, хотя бы относительный? Партократы? Враги демократических преобразований? Ну в таком случае они и сейчас вредят российским вооруженным силам. Ведь дедовщина с коррупцией никуда из нашей «модернизированной» армии не делись.

И еще одно любопытное наблюдение, связанное с армией и ее генералитетом. Даже необычайно внимательная к «путчистам» «демократическая» пресса не раз указывала на то, что среди военачальников, «замешанных в деле ГКЧП», НИ

ОДИН не фигурировал в качестве героя какого-либо коррупционного скандала – в отличие от ельцинских «генералов-защитников». И это при том, что подобных скандалов в годы «демократизации», в том числе связанных с армией, было количество неисчислимо. Парадокс да и только!

Третья государственная скрепа, подвергшаяся при посредничестве Горбачева разрушительным деформациям, – советские правоохранительные органы, включающие, естественно, службу государственной безопасности. Служащие КГБ оказались в необычайно сложном положении. С одной стороны, на них, как только могли, воздействовали генсек и его приближенные с их якобы демократически-либеральной доктриной. С другой, комитетчики должны были во что бы то ни стало воспрепятствовать развитию внутривнутриполитической обстановки по самому опасному для государства сценарию, чреватому большим кровопролитием. Осуществление такого сценария было вполне возможным не только в «горячих» республиках СССР, но и в Российской Федерации. В последние месяцы работы Пятого («диссидентского») управления КГБ мы встречались с его начальником Ф.Д. Бобковым. В его глазах читалась такая безысходная тоска, какую мне в жизни доводилось видеть нечасто. «Эх, Геннадий Иванович, – сказал тогда ветеран Великой Отечественной войны и руководитель доживавшей свой век «пятки», – нам бы сейчас Всемирный молодежный фестиваль провести, а не грязной политикой заниматься».

Последний настоящий председатель Комитета госбезопасности В.А. Крючков, лишившийся своего поста за активное участие в ГКЧП, что бы ни говорили о Владимире Александровиче его недруги, был глубоко порядочным человеком. Его «не испортила» даже совместная работа в Будапеште с Ю.В. Андроповым, которого у нас считают первым и главным инициатором, подлинным идеологом «либеральной» перестройки в СССР.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.